

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.17>

Репенкова Мария Михайловна

Поэтика романа Семы Кайгусуз "Место на твоём лице" (2009)

Цель исследования - рассмотреть поэтику известного романа современной турецкой писательницы С. Кайгусуз "Место на твоём лице" (2009). В статье анализируется повествовательная структура романа, система образов, выявляется зависимость центрального образа, чье внутреннее "я" постоянно двоится, от библейско-коранической и алевитской традиций. Научная новизна исследования заключается в том, что романное творчество С. Кайгусуз впервые становится объектом аналитического исследования в отечественном туркологическом литературоведении. В результате доказано, что поэтика С. Кайгусуз представляет собой новое явление в турецкой беллетристике XXI в., что остросоциальная проблематика, уходящая в подтекст произведения, замещается глубинными психологическими проблемами, что при создании образов акцент делается на нестабильный внутренний мир героев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/7/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 89-95. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Данная работа может послужить основой не только для дальнейшего компаративного анализа художественной специфики других жанровых разновидностей сказочного эпоса, но и для более широкого исследования, связанного с актуализацией основных принципов и образов анималистических сказок в литературе и современной культуре.

Список источников

1. Аникин В. П. Русские народные сказки. М.: Дет. лит., 1987. 719 с.
2. Аникин В. П. Теория фольклора. М.: КДУ, 2004. 432 с.
3. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3-х т. М.: Наука, 1986. Т. 1. 511 с.
4. Егорова О. А. Лекционный курс «Мифология и фольклорная сказка: от первобытных верований к современной культуре»: задачи, обучающие стратегии, содержание // Мир педагогики и психологии. 2019. № 12 (41). С. 108-114.
5. Егорова О. А. Специфика мифологической основы волшебного вымысла в сказках Британских островов // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 87-97.
6. Кравцов Н. И. Славянский фольклор. М.: Изд-во Московского ун-та, 2009. 352 с.
7. Круглова Ю. Г. Русские народные сказки: в 2-х т. М.: Советская Россия, 1988. Т. 1. 544 с.
8. Пропп В. Я. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
9. Соколов Ю. М. Русский фольклор. М.: Изд-во Московского ун-та, 2007. 544 с.
10. Jacobs J. English Fairy Tales. L.: David Campbell Publishers, Ltd., 1994. 428 p.
11. Jones G. Stories from Wales. Oxford: Oxford University Press, 2009. 240 p.
12. Steel F. English Fairy Tales. L.: Wordsworth Editions, Ltd., 1994. 256 p.
13. Wilson B. Stories from Scotland. Oxford: Oxford University Press, 2009. 227 p.

Comparative Analysis of Artistic Specificity of Animalistic Fairy-Tales (by the Material of the British and Russian Fairy-Tales)

Egorova Ol'ga Arsenovna, PhD
Lomonosov Moscow State University
egorovaolga29@mail.ru

The purpose of the study is to provide an insight into artistic originality of the British and Russian animalistic fairy-tales. Specificities of this type of fairy-tales are reflected in composition techniques, original plots and images, use of particular linguistic means. Scientific novelty of the research lies in conducting a comparative analysis of the animalistic fairy-tale genre within two folklore traditions. It has been found that composition of the British and Russian animalistic fairy-tales is based on repetition, which helps to convey the main idea of a folklore work. Plots of the British fairy-tales deal with various moral aspects of life, reflect nationally accepted notions of moral and ethical standards and principles. The Russian animalistic fairy-tales, apart from addressing didactic problems, highlight social issues, especially those related to unfair legal proceedings.

Key words and phrases: folklore; Russian animalistic fairy-tales; British animalistic fairy-tales; composition of fairy-tales; fairy-tale plots; fairy-tale characters.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.17>

Дата поступления рукописи: 01.06.2020

Цель исследования – рассмотреть поэтику известного романа современной турецкой писательницы С. Кайгусуз «Место на твоём лице» (2009). В статье анализируется повествовательная структура романа, система образов, выявляется зависимость центрального образа, чье внутреннее «я» постоянно дублируется, от библейско-коранической и алевитской традиций. **Научная новизна** исследования заключается в том, что романное творчество С. Кайгусуз впервые становится объектом аналитического исследования в отечественном туркологическом литературоведении. **В результате** доказано, что поэтика С. Кайгусуз представляет собой новое явление в турецкой беллетристике XXI в., что остросоциальная проблематика, уходящая в подтекст произведения, замещается глубинными психологическими проблемами, что при создании образов акцент делается на нестабильный внутренний мир героев.

Ключевые слова и фразы: турецкая беллетристика; Сема Кайгусуз; роман «Место на твоём лице»; турецкие алевиты; система образов; библейско-коранический дискурс.

Репенкова Мария Михайловна, д. филол. н., доц.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
mrepenkova@rambler.ru

Поэтика романа Семы Кайгусуз «Место на твоём лице» (2009)

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современной турецкой беллетристике (А. Умит, Х. Гюндай, Т. Киремитчи, А. Кулин, Дж. Тан и др.), ставшей мейнстримом национального литературного процесса в 2010-2020-х гг., поиск новых форм художественного выражения приобретает все большее значение.

Поэтика С. Кайгусуз, строящаяся на соединении несоединимого – реальности и вымысла, внешних событий и душевных переживаний, – в полной мере доказывает изменение вектора исследований национальной художественной мысли.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие *задачи*: во-первых, рассмотреть творческую биографию С. Кайгусуз; во-вторых, выявить типологические черты ее романного творчества, охарактеризованные турецкой критикой; в-третьих, исследовать принципы построения образов романа «Место на твоём лице» и его повествовательной структуры.

Реализация цели и задач исследования потребовали воплощения в статье следующих *методов*: биографического и культурно-исторического, позволяющих вписать данного автора в контекст современной турецкой литературы.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных ученых по библейско-кораническому дискурсу [1; 2; 4] и алевизму в Турции [3], а также публикации турецких исследователей, посвященные различным аспектам творчества С. Кайгусуз [5-11; 14; 15].

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемые в статье выводы о поэтике известного романа С. Кайгусуз «Место на твоём лице» могут быть использованы для написания работ по современной турецкой литературе (статьи, монографии и учебники), могут быть применены и в педагогической деятельности при чтении лекций по литературам стран Ближневосточного региона.

С. Кайгусуз буквально ворвалась в литературную жизнь страны в середине 1990-х гг., заставив говорить о себе турецких литературоведов и литературных критиков как о «серьезном, оригинальном писателе с широкими возможностями, который с мастерством канатоходца пробирается сквозь толщу слов, играет словами и раскрывает перед читателем внутренний мир своих героев» [15].

С. Кайгусуз родилась 19 августа 1972 г. в городе Самсуне. В связи с тем, что ее отец был военным, семье раз в три года приходилось переезжать из одного города в другой (Гелиболу, Сарыкамыш, Антеп, Гирне, Анкара), поэтому девочка сменила множество школ [5]. Отец был родом из алевитской семьи, но скрывал свое происхождение, иначе он бы не смог продвигаться по военной службе и вообще служить в турецкой армии. Он женился на девушке из Салоников. В семье Кайгусуз тема алевизма вообще была под запретом. Между тем родители и родственники отца пережили Дерсимские события 25 декабря 1935 г.: подавление правительственными войсками восстания Сейида Рызы и последовавшие за ним массовое убийство и высылку из тех мест курдов и алевитов. Здесь следует сделать отсылку к истории. Алевизм, или кызылбашество, сформировался к XVI в. в Анатолии под влиянием персидской династии Сефевидов. Термин «алеви́зм» распространился только в XX в., вытеснив кызылбашество. «Турецкий алевизм – региональная форма ислама, тяготеющая к шиизму, испытывающая на себе влияние суфизма и других верований. Основа вероучения: триединство Бог-Мухаммед-Али и отрицание канонических предписаний суннизма» [3, с. 25]. Алевиты почитают Али и 12 имамов. Они верят в приход 12-го имама Махди. Провозглашают культ мученичества Кербелы и идею самосовершенствования (шариат-тарикат-марифат-хакикат). Для алевитов характерен принцип тайкиа – скрывания веры, религиозной маскировки из-за многовековых гонений и притеснений властей. Суть алевизма – человек должен совершенствоваться. *İnsan-ı kamil* – это совершенный человек, и таковым он отправляется к Богу. Алевиты отрицают обрядовость (пятикратный ежедневный намаз, посты). Но соблюдают 12-дневный пост в месяц мухаррам в память о мучениках Кербелы. Празднуют Новый год 12 марта, красят в этот день яйца. Ключевой момент алевитского ритуала – радение айн аль-джем. Его цель заключается в поклонении Богу, в духовном обновлении и даже в механизме общественного и индивидуального контроля (в период Османской империи играл роль судебного органа внутри общины). Алевиты признают принцип равенства между мужчиной и женщиной, отрицают многоженство, поскольку у имама Али была одна жена Фатима. Они почитают суфия XIII в. Хаджи Бекташи Вели, посещают его гробницу в городе Хаджибекташи. Особо чтят святого бессмертного праведника Хызыра. «Большинство толкователей и хронистов считают Хызыра (Хидра) пророком, а некоторые еще и посланником. Порой его причисляют к ангелам. В народном исламе, суфизме и алевизме Хызыр – один из самых почитаемых святых (вали). Некоторые полагают, Хызыр (Хидр или ал-Хидр, ал-Хидир, Хизр, Хидрун), “Зеленый” – прозвище пророка, а его подлинное имя – Балйа, сын Малкана. “Зеленым” же его прозвали за то, что всякое место, куда он присядет (или где пребывает), зазеленеет (или окружено цветущей зеленью). С этим связано представление о Хызыре как о покровителе плодородия» [4, с. 368]. Алевиты держат трехдневный пост 13-15 февраля в память о Хызыре. В эти три дня Хызыр является к людям в разных обликах – бедняка, сироты, заключенного. Обязанность верующего в дни воздержания – помочь бедняку Хызыру, накормить его и вообще любого нуждающегося. Алевиты 6 мая отмечают праздник Хыдыреллез. Бессмертный праведник Хызыр помогает нуждающимся на суше, а праведник Ильяс – на воде. И только раз в год, ночью, они встречаются под розовым деревом, праздник их встречи – Хыдыреллез. Это традиционный праздник, который уходит корнями к гуннам, гектюнкам. Китайцы говорили, что тюрки в это время пели песни, резали жертвенных животных, проводили конные соревнования. Музыка – важнейшая составляющая алевитских радений. Согласно алевитам, обитель Бога – это душа человека. «Исламская традиция в алевизме преобладает, но форму алевитского учения определяют доисламские верования и обряды. Письменная традиция почти полностью отсутствует» [3, с. 44].

В XX в. уже в республиканской Турции произошло крупнейшее за всю историю страны восстание курдов в Дерсима. Дерсимское восстание под предводительством вождя курдского племени Сейида Рызы разразилось после выхода в свет закона о переименовании иля Дерсима в Тунджели. Кемалистским руководством

по этому закону предусматривалась следующая мера: сдача властям оружия со стороны местного населения, которое в основном представляли алевиты курды и турки. Население начало сопротивляться этому. Военное вмешательство властей реализовалось бомбардировками Дерсима с аэродрома Диярбакыра, использованием зажигательных бомб, удушливых газов, конфискацией оружия у местных жителей и депортацией населения в другие районы. 75-летний Сейид Рыза обратился с письмом за помощью к Великобритании. Англичане предпочли не вмешиваться в конфликт. Восстание было подавлено, организаторы казнены. Погибло 15 943 жителя Дерсима, 9 000 были насильственно переселены [Там же, с. 49-53]. Бабушка со стороны отца С. Кайгусуз, будучи еще совсем маленькой девочкой, пережила это восстание и высылку алевитов из Дерсима после восстания. Семья бабушки с большими трудностями (пешком, умирая в пути от болезней и ран) добралась до Самсуна, где и обосновалась. В детстве С. Кайгусуз каждый год регулярно приезжала к бабушке и другим родственникам. В доме бабушки, по признанию писательницы, «она встречалась с истинно народной культурой Анатолии. В ее рассказах оживали джинны, пери, Хызыр» [5].

В 1994 г. С. Кайгусуз стала выпускницей кафедры связей с общественностью и рекламы факультета общественных коммуникаций университета Гази (Анкара). В студенческие годы будущая писательница работала на радио, участвовала в радиопостановках пьес, играла в театре, увлекалась хореографией. Первые рассказы она опубликовала в журналах “Kitap-lik”, “Adam Öykü”, “Varlık”, “Düşler Öyküleri”. Получила две литературные премии на конкурсах молодых национальных писателей: молодежную премию имени Яшара Наби (1995) и вторую премию издательства “Gençlik Yaınevi”. Но рассказы, представленные на премии, не были опубликованы отдельными книгами.

Первая печатная работа С. Кайгусуз вышла в 1997 г. Это был сборник рассказов «Ближе к середине / В середине половины» (Ortadan Yarısından, 1997). В 2000 г. была опубликована книга рассказов «Пятно от сундука» (Sandık Lekesi), удостоенная в том же году литературной премии имени Джеветта Кудрета. В 2002 г. вышел новый сборник рассказов «Пункт насыщения» (Doyma Noktası), за которым в 2004 г. последовал сборник «Колодец плененных слов» (Esir Sözcük Kuyusu). В 2008 г. издательством “Lis” был напечатан ее сборник избранных рассказов на турецком и курдском языках «Зябнувший» (Üşüyen). Впоследствии эта книга была переведена на многие западные языки и вышла в Германии, Франции, Швеции, Норвегии [7]. В период 2008-2010 гг. С. Кайгусуз неоднократно работала в Германии по различным программам. Например, в 2008 г. она получила стипендию Гете-института и жила месяц в Берлине. А в 2010 г. писательница по немецкой программе обменов деятелями искусства работала в Берлине несколько месяцев.

В 2012 г. выходит новый сборник рассказов С. Кайгусуз «Меланхоличный / Черночувствительный / Воспринимающий мир в черном цвете» (Karaduygun), героями которого помимо вымышленных действующих лиц стали и лица реальные – современный турецкий поэт Бирхан Кескин (род. 1963); курдский писатель и общественный деятель, убитый турецкими спецслужбами, Муса Антер (1920-1992); известный турецкий прозаик, представитель социального реализма Осман Шахин (род. 1940). По признанию самой писательницы, «в этой книге передается форма существования человека между тоской и горем, постоянное ощущение в себе чувства меланхолии и страдание от этого. Слово “меланхолия” пришло в английский язык из древнегреческого, где оно обозначало “черную желчь”. Именно с черной желчью древние греки связывали появлению тоски, уныния, грустного настроения... А самое главное, в книге описывается бесчувственность внешнего мира по отношению к нам самим, к нам страдающим» [11]. В сборнике рассказов С. Кайгусуз объясняет слово “karaduygun” (черночувствительный): «Годы спустя я поняла, что это прекрасное слово, много раз слышанное мною в Анатолии, совпадает с меланхолией. Точно так же, как людей, живущих под гнетом черной желчи, со времен Гиппократы называли меланхоликами, здесь, в Анатолии, таких людей называли черночувствительными» [12, с. 71-72].

Первый роман С. Кайгусуз «Молитвы, падающие на землю» (Yere Düşen Dualar, 2006) вызвал положительные отклики критиков и читателей. В романе рассматривалась трагическая судьба семьи, живущей на Острове, – отец Кутси, в конце жизни утонувший в море; мать Эджмель, родившая дочь Лейлан от брата мужа, бросившая семью и убежавшая с Острова; повзрослевшая и одинокая Лейлан, работающая в местной библиотеке; младший брат Лейлан Мерджан, погибший в море во многом из-за отца Кутси. Основная проблема романа – это взаимоотношения Лейлан и ее отца, которого она называет то «тираном», то «братоубийцей», то «отчимом» [8]. В первой части романа повествование ведется от имени Лейлан, а во второй части рассказывает некий повествователь, чье имя упоминается дважды. Его повествование, по сути, лишь дополняет рассказ Лейлан [Ibidem].

В 2009 г. С. Кайгусуз публикует роман «Место на твоём лице» (Yüzünde Bir Yer), а в 2015 г. роман «Смех варвара» (Barbarın Kahkası). В 2013 г. выходит ее пьеса «Султан и поэт» (Sultan Ve Şair). В 2008 г. С. Кайгусуз пишет сценарий к фильму – семейной драме – режиссера Йешима Истридийе «Ящик Пандоры», который получает первую премию (Золотую раковину) за лучший фильм на Международном кинофестивале в испанском городе Сан-Себастьяне [7]. Этот фильм вошел в список номинантов на премию Европейской киноакадемии. В 2019 г. выходит сборник аналитических статей на социальную проблематику «Дерево среди нас» (Aramızdaki Ağaç).

Роман «Место на твоём лице» в 2009 г. вызвал целую серию публикаций национальных литературоведов и критиков, в которых рассматривались проблематика произведения и его художественная форма. Исследователи сходились во мнении, что для романа характерна необычная архитектура, определяемая тем, что это «произведение является метафорой боли и страдания тех, кто пережил Дерсим. Это турецкая “Герника”» [9].

«Герника» – это знаменитая картина П. Пикассо, написанная в 1937 г. по заказу правительства Испанской Республики для испанского павильона на Всемирной выставке в Париже. На картине в нереальных, сюрреалистических тонах, в черно-белой гамме, в технике кубизма изображены застывшие от ужаса лица людей, чудовища с открытыми пастьми и т.п. Картина призвана вызывать чувство ужаса от бомбардировок Герники, апрельской испанской революции (1931), гражданской войны (1936-1939).

В структуре романа присутствуют субъект повествования «я» и объект повествования «ты» (некая женщина, за жизнью которой следит субъект повествования). Но, возможно, это и один человек, сознание которого расколото [6]. «Я» рассказывает, «ты» молчит. Сама С. Кайгусуз признается: «Я задумала роман как повествование с одним голосом. Но потом мои цели изменились, и я размножила этот голос с тем, чтобы создать многоголосую иллюзию наподобие калейдоскопа... Повествователь обращается к таинственной женщине, объекту повествования, на “ты”. Та же молчит, но ее образ возникает из легенд и сказаний, в которые погружено ее подсознание» [ibidem]. «В романе отсутствуют документализм и обличение социального зла. Но присутствует особая поэтика, передающая отношение человека с природой и с Богом, скорбь по происшедшему, молчание переживших трагедию, которое находит отклик в душах их детей и внуков» [9].

С. Кайгусуз, отвечая на вопросы журналистов, объясняет молчание женщины: «Этот роман вообще о чувстве стыда и молчании. В нем раскрывается состояние души моего поколения, которое родилось уже после Дерсимской бойни. Мы обременены чувством стыда и вины за содеянное нашим государством. Стыд нарушает душевный покой и равновесие и, самое важное, заставляет замолчать. Главная проблема романа – это молчание, состояние некоего затмения в человеке» [5]. Критик Доган Эртугрул подчеркивает: «Пережитое в Дерсима С. Кайгусуз передает нам необычным языком. Прошедшие через Дерсимскую резню испытали гнев, ненависть, страх и глубокий стыд, который они передали последующим поколениям. Этот стыд на протяжении всей их жизни и жизни их потомков выразился в молчании» [10].

Критики едины во мнении, что это не политический роман [5; 14]. Это же подчеркивает и сама писательница: «Я не старалась написать политический роман. Исходя из собственных поэтических устремлений, меня интересовал только внутренний мир личности, зона ее подсознания. К тому же язык политического романа слишком упрощен и схематичен. Личностный элемент в нем просто игнорируется, поэтому в нем писатель борется за свободу выражения своих эмоций. А мне эта борьба не нужна» [5].

В романе нет четкого, динамично развивающего сюжета. Все поэтические средства направлены исключительно на то, чтобы создать образ безымянной женщины-фотографа с богатым внутренним миром. Она смотрит на окружающих сквозь объектив фотоаппарата и ищет среди людей бессмертного праведника Хызыра, о котором в детстве ей рассказывала бабушка. У нее с Хызыром свои счеты, она хочет у него спросить, почему он не помог несчастным в Дерсима. Женщина знает, что Хызыр предстает перед людьми в разных обликах: то в образе старика-нищего, то богатого молодого красавца. Поэтому она внимательно изучает людей. Повествователь ей напоминает: «Помнишь, в измирском кафе с глициниями ты сфотографировала одиноко сидевшего молодого человека. Несмотря на свою молодость, у него был взгляд старика. Его плечи были опущены, словно всем своим существованием он сдался на волю окружающего мира. Абсолютно точно, он был похож на Хызыра. Ты запечатлела его погруженным в мысли о прошлом, испытывающим, видимо, угрозы совести» [13, s. 163].

Возможно, этой женщиной является сама писательница, поскольку некоторые отсылки указывают на этот факт. Например, героиня, как и сама С. Кайгусуз, окончила университет в Анкаре. У героини была бабушка Бесе, которая пережила бомбардировки Дерсима и последующие погромы алевитских семей, которая была выслана вместе с семьей из Дерсима. Прототипом Бесе является бабушка самой писательницы, которая после ухода из Дерсима оказалась в Самсуне и никогда больше не возвращалась в свою родную деревню. Как и на героиню, бабушка С. Кайгусуз оказала на писательницу огромное влияние, хотя в году они виделись не более 15 дней во время летних каникул. Она привила автору романа любовь к анатолийской культуре с ее верованиями – сказками о джиннах и пери, об инжировом дереве, о бессмертном праведнике Хызыре, познакомила с кораническими легендами и сказаниями (пророки Муса (библ. Моисей), Сулейман (библ. Соломон), правоверный царь Зулькарнейн и др.). По сути, бабушка, необразованная деревенская женщина (бабушка писательницы работала рабочей на табачной фабрике в Самсуне), сформировала художественное сознание С. Кайгусуз. Во многом это сознание оказалось под влиянием алевитской культуры, гонимой в Турции.

Образ женщины в романе формируется из трех тем, к которым постоянно возвращается «я» повествователя: бабушка – ссыльная из Дерсима Бесе, Хызыр и инжировое дерево. С. Кайгусуз пишет: «Переплетая эти темы друг с другом, сдвигая времена, я использовала священные тексты, мифы, социологию. Сама форма повествования, диктуемая во многом необычным, фантастическим содержанием, была направлена на создание образа странной женщины, всю свою жизнь пытающейся встретить Хызыра» [6].

По признанию С. Кайгусуз, фигура Хызыра с детства занимала ее воображаемый мир: «Внезапно появившийся и исчезающий образ Хызыра оказался для меня чрезвычайно привлекательным. В 2006 г. я готовила книгу по верованиям в Турции. Поскольку это должна была быть книга, основанная на моих собственных впечатлениях, я с фотографиями объехала много мест в Турции. В Антакье Хызыр предстал передо мной как живой, там он является священной фигурой. На каждом километре дороги стоит турбе Хызыра, из уст в уста передаются легенды и мифы о нем. Мне сказали, что именно там в последний раз Хызыра увидел пророк Али. Вот тогда-то и возникла у меня мысль о романе. Мне захотелось выплеснуть наружу все то, что я носила в себе относительно этого бессмертного праведника. Он ни Бог, ни ангел, ни пророк, ни святой угодник. Он – все это сразу. Он появляется

в трудные для человека времена и помогает. Потом я начала о нем читать. Оказывается, в мире Востока Хызыр был в разные времена под разными именами... Я читала о нем священные тексты, книги по антропологии, истории, социологии. Т.е. рассматривала его не только со стороны его священного статуса» [Ibidem].

В романе в несколько измененном виде используется кораническая легенда о встрече пророка Мусы с праведником Хызыром на «месте слияния двух морей» и об их совместном путешествии [1, с. 205-208; 2, с. 132; 4, с. 240-245]. Героиня и повествователь на ярмарке, устроенной в честь праздника Хыдыреллеза в стамбульском районе Ахыркапы, встречают танцора, которого принимают за Хызыра (у него, как и у Хызыра, отсутствует большой палец на руке). Героиня фотографирует заразительные танцы молодого мужчины, его прыжки через костер. Затем повествователь и Хызыр гуляют по Стамбулу. В повествование вплетаются разные легенды. Например, легенда о том, как султан Сулейман Кануни, переодевшись в одежду бедняка, встретил в городе Хызыра в облики молодого человека. Они сели в лодку. У Сулеймана с руки в воду соскользнул перстень. Хызыр легко вернул перстень владельцу, стоило ему только погрузить собственную руку в воду. Повествователь задает танцору-Хызыру вопросы. Например, зачем он приходил в одежде старьевщика к пожилой Бесе? Зачем он маленькую Бесе позвал в лес? и т.п. Повествователь и Хызыр на лодке бедного рыбака переезжают на другой берег Босфора, после чего Хызыр продырявливает лодку (отрывает одну из досок). Повествователь недоумевает:

«“Что ты делаешь?” – спросил я. Хызыр изо всех сил ударил по лодке. Ничего мне не ответил. Как только лодка начала наполняться водой, он быстро с большой ловкостью выскочил на берег.

“Эта лодка очень хорошая. Если бы я ее не продырявил, ее бы очень скоро украли два бродяги”, – сказал он.

“Как это?” – спросил я, не сумев скрыть того, что я сбит с толку.

“Не задавай мне слишком много вопросов. Я это не сам решил”, – сказал он и продолжил свой путь» [13, с. 156].

По коранической легенде Хызыр и Муса «шли по берегу моря, когда с ними поравнялась ладья. Они попросили кормщика посадить их в нее, и тот, признав Хызыра, охотно согласился, не взяв при этом никакой платы. Когда же судно снова стало причаливать к берегу, Хызыр топором выдернул из борта одну из досок и кинул ее в море.

И Муса воскликнул:

– Неужели ты продырявил корабль,

Чтобы потопить людей?

Поистине, ты совершил дурной поступок.

– Разве не говорил я тебе,

Что не сможешь себя сдерживать,

Пребывая в обществе моем?

– Прости, что забыл,

И не подвергай меня тяжкому испытанию (18:71-73)» [4, с. 242].

Далее в коранической легенде объясняется, почему Хызыр это сделал:

«– С меня хватит, – сказал Хызыр, – Пора расстаться с тобою;

Но прежде я объясню тебе то,

Что ты в своем нетерпении

Не удосужился понять ранее:

Корабль принадлежал бедным людям,

Которые трудились на нем в море,

Я хотел повредить его снаружи,

Так как хозяев ждала встреча с царем,

Захватывающим все пригодные суда (18:74-82) [Там же, с. 243].

В романе во время путешествия повествователя и Хызыра по Стамбулу Хызыр убивает (это можно осмыслить и как воображаемое убийство) мальчика-уборщика Джейюса, работавшего в лавке пекаря. Убийство аллегорично на кораническое убийство Хызыром во время все того же путешествия с Мусой мальчика, игравшего со сверстниками. Хызыр в коранической легенде объясняет причины содеянного Мусе:

«А мальчик тот был от правоверных родителей,

И мы боялись, как бы он

Не заразил их своим нечестием и неверием;

И мы желали, чтоб взамен

Господь даровал им сына

Непорочного и милосердного» (18:74-82) [Там же, с. 243-244].

В романе Хызыр также объясняет повествователю свой поступок: «Когда он сделал первый шаг, он сказал мне, что Джейюс родился неблагочестивым, что поскольку боялись, что он собьет с пути истинного своих родителей, являвшихся добропорядочными верующими людьми, он его и убил. Он также сказал, что совершил это убийство не по своей воле» [13, с. 161].

С. Кайгусуз создает в романе такую поэтику, в которой все расположено на грани: внешний мир и внутренний мир человека, реальность и вымысел, святость и преступление. Поэтому путешествие по Стамбулу повествователя и Хызыра может рассматриваться и как внутреннее путешествие героини вглубь самой себя. Она повсюду

во внешнем мире искала Хызыра («он как чужак бродит среди нас» [Ibidem, s. 165]), а он оказался в ней самой, в ее собственной духовной сущности. Он – фигура во многом вымышленная, неотделимая от героини. Поэтому поиск Хызыра во внешнем мире оборачивается в романе поиском своего потерянного внутреннего «я».

«Я» безымянной героини богато и многогранно. Налицо духовная связь героини с библейско-коранической мифологией (Муса, Ибрагим (библ. Авраам), Сулейман, Зулькарнейн, Хызыр, рог Азраила (библ. Исрафиля) и др.), с мифами анатолийской культуры (джинны, пери, инжировое дерево, пастух Мунзур и др.) [10]. Интересны в этом плане сны героини на библейско-коранические темы. Например, сны о строительстве Сулейманом храма в Иерусалиме, о необыкновенном троне Сулеймана и о львах, которые подставляли ему лапы, когда тот всходил на трон, о принятии Сулейманом даров от правительницы страны Сабейской Билкис, поклоняющейся солнцу. Автор романа практически дословно кораническому тексту воспроизводит знаменитые сцены обращения Билкис в истинную веру, например, о том, как джинн Зикун обещает принести Сулейману трон Билкис: «Я принесу его тебе до того, как ты встанешь с места» [13, s. 118]. Или сны героини о Зюлькарнейне и его военных походах. Считается, что Зюлькарнейн «был первым из двух – наряду с Сулейманом – правоверных царей, которым Всевышний даровал власть над миром. Он повелевал Востоком и Западом, за что и получил прозвище Зулькарнейн, Двурогий. Настоящее же его имя – Марзубан. Жил он в Египте и происходил из рода Йафиса (библ. Иафета) сына Нуха (библ. Ноя)» [4, с. 92]. «Некоторые считают Зулькарнейна только святым, угодным Богу человеком. Порой его причисляют к ангелам. Спорным остается распространенное в послекоранической традиции отождествление Зулькарнейна с Александром Македонским» [Там же, с. 345]. Героиня видит сон о том, как Зюлькарнейн, завоевавший полмира, в поисках бессмертия отправляется вместе с Хызыром и огромной армией в страну Вечного мрака. Там он пытается найти источник с живой водой, но на него случайно набредает Хызыр. Ни о чем не подозревая, он утоляет жажду, совершает омовение и продолжает путь.

Значимы для образа героини и ее сны-видения об инжировом дереве, которые опираются на необычные мифы. Например, миф о происхождении названия инжира. На древнееврейском (арамейском) языке оно означает «высокое начало». Это «дух», «душа», является символом духовного знания. На персидском языке инжир несет в себе «низкое», телесное начало. Он означает «продырявливать»: плод инжира растет и разбухает, продырявливая листву. Плод напоминает сосок женской груди или мужской половой член, поэтому у персов есть плоды с этого дерева считается постыдным [13, s. 24-25]. Приводится и библейская легенда о том, что именно листками инжирового дерева прикрывали в раю свою наготу Адам и Ева. А сын Господа Иисус разозлился на инжировое дерево. Он хотел вкусить его плодов, чтобы утолить жажду, но на дереве не обнаружил ни одного плода (видимо, это было не женское, а мужское дерево; инжир двупол) и проклял дерево.

С. Кайгусуз не просто воспроизводит мифы, но и придает им в некоторых случаях новое звучание [10]. Например, мифология, связанная с инжировым деревом, обретает в романе для героини смыслообразительное значение. Дерево инжир, которое растет во дворе ее дома и является ровесником самой героини, – это ее друг и наставник. В самые тяжелые минуты жизни женщина обращается к нему за советом, находит поддержку и помощь в его кроне. Это дерево символизирует саму жизнь женщины и ее духовный мир, а также культуру Анатолии и всей Турции.

Алевиические мифы предстают перед читателем в той части романа, когда повествователь вспоминает, как героиня в 25 лет ездила в дерсимскую алевитскую деревню по наследственным делам (в наследство от бабушки ей досталась ореховая роща). Там она пробыла 10 дней и никогда больше туда не возвращалась. В деревне она познакомилась с крестьянкой Хурийе, крестьянами мужем и женой Зюльфю и Сырмой, алевитским пиром Фрик-деде (деде – наставник, лидер алевитской общины, он управляет алевитской службой/радениями, разрешает все спорные вопросы, просвещает общину, обучает верующих, указывает верный путь) и др. В деревне из уст в уста передавался миф о пастухе Мунзуре, который накормил халвой умирающего хозяина-агу и вылечил его от смертельного недуга, после чего ушел в горы, а то место, где он шел, превратилось в бурную горную реку Мунзур. Эта река и мост через нее спасли многих убегающих из Дерсима алевитов в 1937 г. Крестьяне говорили, что пастух Мунзур – это святой Хызыр в молодости.

Таким образом, можно сделать **вывод** о том, что поэтика романа строится на соединении несоединимого, противоположных начал, которые составляют неразделимое единство. Поэтому событийная канва произведения размыта, невозможно определить, происходит ли событие с героиней на самом деле или это ей только представляется, снится. События срastaются с душевными переживаниями женщины, составляя ее богатый внутренний мир. Этот мир неоднороден, он двоиится на «ты» и «я» (субъект и объект повествования), но стремится к обретению целостности. Существенно, что при раскрытии ее внутреннего мира большое значение приобретают разного рода мифы и легенды, которые по своей сути представляют каноническую целостность. Направление дальнейших исследований связано с изучением новеллистики С. Кайгусуз, образно-композиционной системы ее рассказов.

Список источников

1. Гайнутдинова А. Р. Истории пророков в Коране. М.: Исламская книга, 2009. 280 с.
2. Гайнутдинова А. Р. Образы пророков в Коране. М.: Муравей, 2002. 160 с.
3. Жигульская Д. В. Алевиты в Турции. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2016. 116 с.
4. Ибрагим Т., Ефремова Н. Мусульманская священная история. От Адама до Иисуса. Рассказы Корана о посланниках Божиих. М.: Ладомир, 1996. 392 с.

5. Aktaş B. Bildiğim bir ağrıyı yazdım [Электронный ресурс] // Radikal kitap. 02.10.2009. URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2020).
6. Alpan C., Gümüş S. Sema Kaygusuz ile yeni romanı Yüzünde Bir Yer üzerine söyleşisinden bir bölüm [Электронный ресурс] // Notos Edebiyat. 2009. Ekim-Kasım. URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2020).
7. “Asırlık bir uzaklık vardı aramızda” Yüzünde Bir Yer – Sema Kaygusuz [Электронный ресурс]. URL: https://www.cafrande.org/asirlik-bir-uzaklik-vardi-aramizda-yuzunde-bir-yer-sema-kaygusuz (дата обращения: 17.05.2020).
8. Aslankara M. Sadık. Romancılığımızda bir öykücü: Sema Kaygusuz [Электронный ресурс] // Cumhuriyet KİTAP. 2009. URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2020).
9. Barışta P. Sema Kaygusuz’un yeni romanı: “Yüzünde Bir Yer” edebî Guernica [Электронный ресурс] // KIYI. 27.09.2009. URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2020).
10. Ertuğrul D. Dersim, Hızır ve yok olan mahcubiyet [Электронный ресурс] // Star gazetesi. 2009. 26 Ekim. URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2020).
11. <https://www.insanokur.org/karaduygun-sema-kaygusuz/> (дата обращения: 29.05.2020).
12. Kaygusuz S. Karaduygun. İstanbul: Doğan Kitap, 2012. 113 s.
13. Kaygusuz S. Yüzünde Bir Yer. İstanbul: Doğan Kitap, 2012. 171 s.
14. Örer A. Sema Kaygusuz: “Burası kırık aynalar ülkesi” [Электронный ресурс] // Taraf. 18.10.2009. URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2020).
15. Şarman D. Sema Kaygusuz ve Yüzünde Bir Yer için düzeltilmiş notlar [Электронный ресурс]. URL: www.dipnotkitap.net/ROMAN/yuzunde_Bir_Yer.htm (дата обращения: 17.05.2020).

Poetics of the Novel by Sema Kaygusuz “Yüzünde Bir Yer” (“A Place on Your Face”) (2009)

Repenkova Mariya Mihaylovna, Dr
Lomonosov Moscow State University
mmrepenkova@rambler.ru

The paper considers poetics of the famous novel by the modern Turkish authoress S. Kaygusuz “Yüzünde Bir Yer” (“A Place on Your Face”) (2009). The researcher analyses the novel’s narrative structure, system of images, traces influence of the Biblical-Koranic and Alevi traditions on the development of the main personage’s image whose inner self is divided. Scientific originality of the research lies in the fact that S. Kaygusuz’s novelism has not been previously investigated in the domestic Turkish studies. The following conclusions are justified: S. Kaygusuz’s poetics is a new phenomenon in the Turkish XXI-century literature; in the analysed work, the accent is shifted from acute social problematics towards deeper psychological problems; when developing the personages’ images, the authoress focuses on their unstable inner world.

Key words and phrases: Turkish fiction; Sema Kaygusuz; novel “Yüzünde Bir Yer” (“A Place on Your Face”); Turkish Alevis; system of images; Biblical-Koranic discourse.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.18>

Дата поступления рукописи: 18.05.2020

Погибший на Западном фронте британец Эдвард Томас открыл свой поэтический дар во время Первой мировой войны и, как полагают, в значительной мере благодаря ей написал за два года 142 стихотворения. Цель исследования – выяснить, можно ли считать его «военным поэтом» и в каком смысле. В статье рассматривается влияние войны на поэзию Томаса и её отражение в произведениях поэта. Научная новизна работы заключается в том, что в России, где творчество Э. Томаса известно мало, работ на эту тему практически нет. В результате показано, что, несмотря на то, что он не был «окопным поэтом», война, в основном имплицитно, часто в образах природы, присутствует во многих его стихах, окрашивая всю его поэзию.

Ключевые слова и фразы: Эдвард Томас; поэзия XX века; литература Первой мировой войны; стихи о войне; образы природы.

Талызина Елена Викторовна
Самарский государственный технический университет
elanor68@mail.ru

«Ведь был бы мир другим»: тема войны в поэзии Эдварда Томаса

Отражение войны в художественной литературе, особенно в поэзии – тема сложная и противоречивая. Сама концепция военной поэзии меняется с течением времени. Один из тех, кто способствовал её изменению, – это британский поэт Эдвард Томас (1878-1917), чьё творчество не укладывается в сложившиеся стереотипы. Благодаря ему теперь поэт Первой мировой войны – это необязательно «окопный поэт». Его считают (вместе с Уилфредом Оуэном, Айзеком Розенбергом и Робертом Грейвсом) одним из британских «военных поэтов», оказавших значительное влияние на последующую английскую поэзию [12, p. 123]. Тем не менее споры о теме войны в творчестве Томаса продолжаются. В этом заключается *актуальность* данного исследования.

Указанная цель определила следующие *задачи*: проанализировать поэзию Э. Томаса и выяснить, оказала ли Первая мировая война влияние на её тематику; если да, то в какой мере и в чём это выражается.

Для анализа произведений поэта применяются следующие *методы исследования*: биографический, психологический, герменевтический, формальный, метод целостного анализа литературного произведения.